

«БРАТИЕ И ДРУЖИНА»: О ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ОДНОГО ВЫРАЖЕНИЯ В
НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТИЯНОЙ ГРАМОТЕ № 724¹

Берестяная грамота № 724, найденная в 1990 г. в Великом Новгороде, сразу привлекла внимание исследователей. Как пишет А. А. Гишпиус в новейшей статье, «грамота № 724 — письмо “к братии и дружине” с описанием обстоятельств, в которых его автор, Савва, оказался, собирая дань в Заволочье, общепризнанно принадлежит к числу наиболее важных в историческом и лингвистическом отношении берестяных документов. По характеристике А. А. Зализняка [Зализняк, 2004, с. 353], это “самый ранний нецерковный нарративный текст, описывающий не одно-два события, а более длинную их последовательность”» [Гишпиус, с. 112]. В. Л. Янин и А. А. Зализняк датировали грамоту с «вероятностью» 1161–1167 г., опираясь на события, в ней описываемые, и на имена посадника Захарии и Андрея, которого они ассоциировали с князем Андреем Боголюбским [Зализняк, 2004, с. 350]. Позднее П. В. Петрухин [Петрухин, с. 109–126] на основе пересмотра некоторых устоявшихся представлений об этой грамоте и по целому ряду лингвистических и палеографических признаков передатировал ее концом XII — началом XIII в., отдавая предпочтение XIII в.

В настоящей статье мы рассмотрим выражение «от Савы покланяние къ братѣи и дружине», с которого автор грамоты Савва начинает свое послание. По замечанию А. А. Зализняка [Зализняк, 2004, с. 353], формула «братие и дружина» хорошо известна из целого ряда древнерусских письменных памятников, таких как «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», Сказание о Борисе и Глебе, Киевская летопись по Ипатьевскому списку, Житие Андрея Юродивого. Ученый привел конкретные примеры из перечисленных текстов и пришел к выводу о том, что «присутствие этого выражения в грамоте 724 является ценнейшим подтверждением того, что во всех этих случаях использована реальная (а не чисто литературная) формула обращения древнерусского военачальника к своему отряду» [Зализняк, 2004, с. 353]. Стоит, однако, заметить, что во всех названных памятниках выражение «братие и дружина» употреблено как непосредственное обращение к реальной аудитории, «древнерусского военачальника к своему отряду», в отличие от новгородской грамоты, где эта формула использована в качестве поклонной «от имярек к имяреку». Для расширения ее литературного контекста можно, как мы полагаем, добавить еще один случай ее использования. Правда, она встречается не только как точная формула, но и как отдельные самостоятельные слова «дружина» и «братие», однако внутри *единого* текста. Мы имеем в виду древнерусское апокрифическое «Слово на воскресение Лазаря», датируемое нами второй половиной XII — началом XIII в. и сохранившееся более чем в 35 списках не ранее XV в. [Рождественская, 2008, с. 135–146 (там же литература вопроса); Рождественская, 2009, с. 436–449; Рождественская, 2010, с. 250–257]. В нем слова «дружина моя», «братие», «друзи мои» вложены в уста пророка и царя Давида, сидящего в аду, и адресованы находящимся там же другим пророкам и праведникам. Царь Давид, перебирая «многоочитыми» перстами «живые струны» (гуслей? псалтыри?), призывает всех забыть печаль и скорбь и «возвеселиться», радуясь рождению Христа. Давид уже слышит звук свирелей пастухов и стук конских копыт, несущих волхвов с дарами новорожденному. И Богородица уже склоняется над яслями, а царь Ирод точит свой острый меч на всех младенцев. Но скоро, пророчествует Давид, Христос спасет из адской темницы праведного Лазаря, а после казни на Голгофе воскреснет, спустится в ад и освободит всех пленников.

Этот сюжет в «Слове на воскресение Лазаря» не оригинален. Он был заимствован из двух византийских апокрифических торжественных гомилий — «Слова Евсевия Александрийского о сошествии Иоанна Предтечи в ад» и «Слова на погребение Господне» Епифания Кипрского, известных в древнеславянских рукописях уже с XI в. и помещенных обычно в сборниках постоянного состава типа «Златоуста» и «Измарагда». В свою очередь, оба эти текста также не самостоятельны, а основываются на рассказе апокрифического Евангелия Никодима, в котором описываются события в преисподней, происходившие с вечера Страстной пятницы до утра воскресения. На эти источники «Слова на воскресение Лазаря» в свое время указывали И. Я. Порфирьев [Порфирьев, с. 36–49], И. Я. Франко [Франко, с. 1–56], И. П. Еремин [Еремин, 1941, с. 363–364; Еремин, 1968, с. 92–94]. Текст «Слова на воскресение Лазаря» сохранился в двух редакциях, названных нами Пространной и Краткой, что отражает не только их объем, но и содержание. Обращаясь к пленникам, царь Давид во всех списках употребляет как слово «братие», так и слово «дружина». Приведем некоторые выборочные примеры. Так, в одном из ранних списков Пространной редакции XV в. ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова. № 115 находим сразу оба обращения Давида: «воспоим *братие* веселую песнь *дружину* моя днесь

¹ В основу статьи легла наша краткая «Заметка к новгородской грамоте № 724», помещенная на сайте <http://www.inslav.ru/zalizniak80/>. Высказанные в ней наблюдения мы сочли возможным расширить и прокомментировать подробнее, указав на литературный характер рассматриваемого выражения. Надеемся, что такой подход к интерпретации средневекового текста близок научным взглядам и интересам дорогого юбиляра Елены Леонидовны Коняевской.

отложим тугу и печаль утешимся Богом». Выражение «*дружино моа*» читаем в списках этой редакции РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 4/4, XV в., РГБ. Волоколамское собр. № 521, XVI в. Список РГИА. Ф. 834. Оп. 2. № 1857, XV в., дает чтение «*друзи мои*». Списки Краткой редакции РГБ. Собр. Ундольского. № 574 и 575, оба XVI в., и список РНБ. Собр. Погодина. № 871, XVI в., также дают чтение «*дружино*», «*дружино моя*». Список Пространной редакции ИРЛИ РАН. Пинежское собр. № 280, 1533 г., во многом отразивший архетипный текст «Слова», в обращении Давида сохраняет лишь слово «*братие*»: «Споем собе *братия* песни веселы тихи и утешимся со Христом царем славы»², в списке Краткой редакции БАН. 32.2.22, нач. XVIII в., также читается только слово «*братие*»: «воспоим *братие* песнь днесь». То же обращение находим и в списке ИРЛИ РАН. Собр. В. Н. Перетца. № 96, XVI в. Нельзя точно сказать, разделяются ли обращения «*братие*» или «*дружино*» четко по редакциям. Но можно заметить, что переписчики Краткой редакции отдадут небольшое предпочтение слову «*братие*», тогда как слова «*дружино*», «*друзи*» чаще встречаются в списках Пространной. Может быть, это объясняется тем, что основное место в Краткой редакции занимает плач-мольба Адама в аду — тема, которая связана с покаянием любого человека и особо значима для монастырской братии? Списки же Пространной редакции представляют текст, в котором покаянные мотивы звучат не столь сильно, поскольку плач Адама в нем значительно сокращен.

Как видим, в словах «братие» и «дружина» нет реального обращения военачальника к своему отряду. Пророки не могли быть воинами Давида, его дружинниками, как и монашеское обращение Давида к братии в списках Пространной редакции, кажется, не вполне уместно. Скорее всего, данные обращения в устах царя в этом случае опираются на уже закрепленную в исторической реальности формулу, но использована она в качестве литературного клише. Функция царя Давида в «Слове на воскресение Лазаря» — это функция прорицателя, пророка и псалмопевца. Напомню, что в начале повествования он, «накладая многоочитая перьсты на златыя и живыя струны»³, призывает пленников в аду спеть веселую песнь. С его именем связывается и окончание рассказа: в финальной сцене Пространной редакции «Слова на воскресение Лазаря» освобожденный Христом из ада Давид возглавляет шествие в Царство Небесное, также играя на струнном инструменте. Начальные фразы «Слова на воскресение Лазаря» о Давиде все исследователи справедливо сопоставляли с описанием струнной игры вещего Бояна в «Слове о полку Игореве»⁴. Действительно, оба «Слова» имеют много общего, начиная с сюжетобразующего мотива смерти как воскресения и кончая стилистическими и текстуальными совпадениями: в «Слове о полку Игореве» пленение князя Игоря Святославича половцами иносказательно изображается как его смерть, соответственно, половецкий плен — как царство мертвых, а возвращение на Русь из плена — как его новое рождение, воскресение⁵. Тематически близко и содержание обоих памятников. В их основе лежат антитезы «поражение — победа» «печаль — веселие», «стон, плач — радостная песнь» и т. д. Что же касается использования формулы «братие и дружина», то различие между этими двумя сочинениями древнерусской литературы домонгольского времени заключается в том, что Игорь Святославич — князь, воин и обращается он к реальной дружине, к реальным воинам, тогда как царь и пророк Давид при помощи этой формулы или ее частей призывает других пророков и пленников ада спеть песнь радости, встречая своего спасителя — Христа.

Как было показано А. А. Зализняком, язык «Слова о полку Игореве» имеет черты древнерусского языка конца XII в. [Зализняк, 2008]. Если допустить, что создатель «Слова на воскресение Лазаря» ориентировался на его текст, или, скорее всего, у обоих «Слов» был некий общий источник, по крайней мере для фраз о струнной игре Давида и Бояна [Николаев, с. 565–580; Рождественская, 2009, с. 436–449], то формула «братие и дружина» в «Слове на воскресение Лазаря» приобретает не столько реальное, сколько символическое значение. Датировка А. А. Зализняком грамоты № 724 1160–1170 г., построенная не только на лингвистических данных, но и на отождествлении упомянутых в грамоте персонажей с реальными лицами, как отмечено, была оспорена П. В. Петрухиным. Выражение «братие и дружина» в грамоте, как и в «Слове о полку Игореве», и в «Слове на воскресение Лазаря», учитывая типологическое и стилистическое сходство двух последних текстов, можно рассматривать как семантические варианты единого формульного образования.

Поскольку в раннем списке ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова. № 115, XV в., обращение царя Давида к пророкам включает оба слова (и «дружина», и «братие»), хотя и разделенные уточнением «веселую песнь», можно утверждать, что оба они находились в первоначальном архетипном тексте «Слова на воскресение Лазаря», которое, напомню, датируется рубежом XII–XIII в., то есть тем же временем, что, по предположению П. В. Петрухина, и грамота № 724. Таким образом, выражение «братие и дружина» уже тогда использовалось не только как обращение военачальника к своим воинам, но и как литературный прием. Однако в упоминавшейся недавней статье А. А. Гиппиус вновь вернулся

² БДР. СПб., 1999. Т. 3. С. 256.

³ Там же.

⁴ Библиографию по этой теме см. в наших указанных работах.

⁵ См., например, об этом: [Гаспаров].

к датировке грамоты № 724 1161–1167 г. Но даже если верна датировка Янина — Зализняка — Гиппиуса, а не П. В. Петрухина, то она не отменяет возможности сопоставления выражения-формулы «братие и дружина» новгородской грамоты с этим же выражением в «Слове на воскресение Лазаря», составленном во второй половине XII — начале XIII в. Это означает лишь то, что данная формула могла использоваться в письменных памятниках разных жанров и разного характера в данных хронологических рамках как в прямом реальном, так и в поэтическом значениях, что свидетельствует о высокой степени абстрагированности конкретного формульного высказывания в древнерусском литературном тексте.

Литература

- Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.
- Гиппиус А. А. Еще раз о новгородской берестяной грамоте № 724 // *Slovene*. Международный славистический журнал. 2015. Vol. 4. № 1. Part 1. С. 111–127.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок (1995–2003). М., 2004.
- Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, доп. М., 2008.
- Еремин И. П. Учительная литература // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. I. С. 363–364.
- Еремин И. П. Лекции по древнерусской литературе. Л., 1968.
- Николаев А. С. О возможном источнике выражения «живые струны» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ (Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева). СПб., 2003. Т. 54. С. 565–580.
- Петрухин П. В. К изучению новгородской берестяной грамоты № 724 // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 109–126.
- Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // СОРЯС. СПб., 1890. Т. 52. № 4. С. 36–49.
- Рождественская М. В. Древнерусский апокриф «Слово на воскресение Лазаря»: некоторые итоги и перспективы изучения // Вестник РГНФ. М., 2008. Вып. 3 (52). С. 135–146.
- Рождественская М. В. О новых проблемах изучения апокрифического «Слова на воскресение Лазаря» // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 436–449.
- Рождественская М. В. Еще раз о времени написания «Слова на воскресение Лазаря» // Дар и Долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 250–257.
- Франко І. «Слово о Лазареве воскресении». Староруська поема на апокріфічні теми // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1900. Т. XXXV–XXXVI. С. 1–56 (исследование и реконструкция текста).